

Научная жизнь

КАРЛ ЮНГ:
МАДАМ БЛАВАТСКАЯ ОТ ПСИХОТЕРАПИИ*

Э. Дэниелз

Считается почти само собой разумеющимся, что если о жизни человека нечего рассказать, то ему не стоило и жить. Но вот вопрос, который должны задавать себе биографы, состоит в том, заслуживает ли чтения детальное жизнеописание. И ответ на этот абстрактно поставленный вопрос будет таким: как сказать!

Это зависит главным образом, если не полностью, от того, чья жизнь описывается. Если жизнь человека столь весома, а его достижения столь велики или же его влияние на историю столь грандиозно (обычно, в худшую сторону), что детальный рассказ о его жизни позволит лучше понять не просто этого человека, но и мир, в котором мы живем, тогда огромный том не отпугнет нас, не вызовет опасения, что мы зря тратим драгоценное время, читая о жизненных перипетиях человека, для нас малозначимого. Прискорбно, что среди фигур, о которых мы едва ли знаем достаточно, Гитлер, а также Ленин, Сталин и Мао. В пятитомной биографии Достоевского, написанной профессором Франком, нет ни одной лишней страницы, и это не только потому, что Достоевский был великим писателем (есть много великих писателей, чью пятитомную биографию мы не хотели бы читать), но потому, что понять Россию XIX в., ее проблемы, над которыми Достоевский бился, проявляя проницательность и способность к предвидению, в то же время ошибаясь и подходя совер-

* New Criterion (www.Newcriterion.com/archive/22/nov03/jung.htm). Перевод с английского В.В.Целищева.

шенно по-особому, – понять это жизненно важно для понимания современного мира. В самом деле, стоит только понять роль интеллигенции в поздний период существования царской России, как многое в современном мире из того, что на первый взгляд кажется неясным, становится намного прозрачнее.

Принадлежит ли Карл Густав Юнг, швейцарский психиатр, к тем людям, в описании жизни которых мы можем обойтись без особых деталей? Я полагаю, что на этот вопрос нужно решительно ответить «да!», несмотря на то что о Юнге написаны толстые книги и, подозреваю, они будут писаться и дальше. Вклад Юнга в позитивное человеческое знание мал и спорен, его сочинения расплывчаты и противоречивы, человеком он был нерешительным, и ныне его влияние распространяется лишь на небольшую группу преданных почитателей, хотя одно время он имел мировую славу всеведущего гуру. Карьера Юнга представляет интерес главным образом как социальный феномен, а не как карьера великого ученого или писателя. По своим заслугам и интересам Юнг достоин скорее очерка, а не толстого тома, хотя попытка переплавить его чудовищно огромные труды в слиток, который бы вместился в несколько страниц, требует серьезнейших интеллектуальных усилий, которые вовсе не нужны при описании фактов его жизни. Рецензируемая книга Дейдре Бэр «Юнг: Биография»*, увы, частично страдает тем недугом, которым страдает жанр современной биографии, – литературным эквивалентом неизлечимой болезни сердца, при которой тело разбухает от притока бесполезной жидкости. Размер биографий, которые и так были объемными, становится все больше, и ясно, что его нужно сокращать. Первый принцип, которому должны следовать биографы, состоит в том, что не все сведения равнозначны. Это относится и к сведениям о внебрачных связях.

Юнг как социальный феномен представляет определенный интерес. Он умер в 1961 г., и я смутно помню, что во времена моего детства он был одним из трех немецких гуру, к которым прислушивались по всяко- му поводу и чьи изречения несли на себе отпечаток гномической мудрости, столь великой, что она была выше всех споров или даже суждений. Этот триумвират составляли Альберт Эйнштейн, Альберт Швейцер и Юнг.

Всем им помогала их внешность, впрочем, как и акцент, столь уместный для мудреца. Конечно, Эйнштейн был настоящим гением и приличным человеком, который мог выразить в нескольких словах блестящие

* Bair D. Jung: A biography. – Little Brown and Company, 2003.

мысли (когда, например, ему сказали, что 100 арийских ученых подписали письмо с осуждением теории относительности, он ответил: «Зачем же целая сотня? Если я неправ, то достаточно было бы и одного»). Швейцер, теолог, музыковед и врач, любил туземцев Габона, несколько снисходительно и вполне абстрактно, и при этом ужасно относился к своим собственным жене и детям. Что касается Юнга, то самый знаменитый его образ, который приходит мне на ум, когда я думаю о нем (хотя должен признаться, что нечасто делаю это), – пожилой мужчина в сдвинутых на лоб очках в золотой оправе. Эти очки на лбу как-то должны свидетельствовать о большей мудрости или, по крайней мере, о большем стремлении быть мудрым, чем просто очки на своем месте. Должно быть, избегая вульгарного обыденного облика, который свойствен нам с вами, он обретает взгляд более проницательный, чем рентген, – взгляд, устремляющийся прямо к сути реальности минуя внешнее проявление. И в самом деле, репутация шарлатана прилипала к нему столь же постоянно, как и репутация мудреца. Однако если вас постоянно хвалят, что-нибудь да прилипнет.

Каковы все же его достижения? Странно, но несмотря на то что его биография занимает 800 страниц (649 из них – это текст, напечатанный столь плотно, что каждая из этих страниц равна двум обычным), к тому времени, когда вы прочитываете последнюю страницу, вы так и не можете сказать, в чем они состоят. Вы много узнаете о мелких ссорах и недоразумениях, в которые Юнг постоянно попадал, о деталях его семейной жизни, но мало что узнаете о том, почему все эти вещи важны. Следовательно, автор предполагает, что не только надо познакомить читателя с идеями Юнга, вызвать сочувственное к ним отношение, но также и то, что читатель считает Юнга достойным такой подробной биографии. Я не разделяю этого предположения, и хотя книга написана сносным языком, в ней нет ни одного юмористического замечания. Все время, пока я читал ее, в моем мозгу лейтмотивом звучали слова Маколея, сказанные им по поводу двухтомной биографии лорда Берли (цитирую по памяти): «По сравнению с чтением этих двух томов всякий другой труд – труд детей в шахтах, труд рабов на плантациях – представляется просто приятным развлечением». То, что мисс Бэр была весьма прилежной, – это никем не оспаривается, а вот стоило ли проявлять здесь такое прилежание, – это, к сожалению, более открытый вопрос.

Некоторые люди рождаются шарлатанами, некоторые ими становятся, а некоторым роль шарлатана навязывается другими. Юнг определенно не родился шарлатаном, – по крайней мере, он им не был на протяже-

нии всей своей карьеры. Правда, он вырос в семье, где было больше любителей столоверчения, чем в средней семье, что, без сомнения, подтолкнуло его в последующем к изучению эзотерики (потому что определенно ему не приходили в голову сомнения по поводу того, почему эзотерика на самом деле является эзотерикой), и в юности был подвержен тевтонскому многословию, которое, за некоторым исключением, легко овладевает теми, кто говорит и думает на немецком языке. Ничто не сравняется с эзотерическим многословием в создании ауры глубокомыслия, к которой общество скучающих дам влекомо подобно мотылькам, летящим на свет. Именно это обстоятельство объясняет, каким образом Юнг стал мадам Блаватской от психотерапии. В то же время он получил пре-восходное образование как в области естественных наук, так и в науках гуманитарных, свободно владел четырьмя языками, мог читать латинские тексты, как если бы они были написаны на его родном языке, неплохо знал греческий, и запустил в оборот несколько выражений, ставших для нас повседневными, – «комплекс», «коллективное бессознательное», «кархетип», «анимус» и «анима», «личность», «интроверт» и «экстраверт». Все это гораздо больше, чем может достичь любой из нас. Однако это вовсе не значит, что при этом Юнг сделал вклад в человеческое знание, потому что вполне можно давать имена несуществующим вещам.

Юнг был отпрыском знаменитой семьи, но его отец, талантливый знаток восточных языков, не особо ставившийся сделать академическую карьеру, был обедневшим пастором и умер, когда Юнг был студентом. Поэтому уже в раннем возрасте Юнг стал главой семьи, и привычка к ответственности окончательно сформировала у него страсть к доминированию, которую он проявлял на протяжении всей жизни.

Завершив образование, Юнг стал работать малооплачиваемым хирургом, но ему нужно было возвращать займы и содержать семью. Поэтому он поступил ассистентом к доктору Блейеру, работавшему в клинике Бергольци близ Цюриха. Здесь он провел около девяти лет, подчиняясь почти монастырским правилам, установленным для врачей Блейером, который, прекрасно осознавая, что врачи бессильны сделать что-либо для пациентов, компенсировал это режимом скрупулезного, даже педантичного, наблюдения и регистрации всех поступков и речей пациентов.

Человека с таким темпераментом, как у Юнга, раздражал этот режим с бесполезным накоплением наблюдений, и Юнг стал проводить эксперименты, которые сделали его известным за пределами клиники. Это были тесты на словесные ассоциации. Он предлагал человеку слово и спрашивал, какое слово в ответ приходит тому на ум. Измеряя время,

которое требовалось пациенту для ответа на вопрос о слове и одновременно замеря сердцебиение и дыхание, а также электропроводимость кожи, возраставшую у человека при эмоциональном возбуждении, Юнг мог определить, какие слова несли эмоциональную нагрузку. Сам испытуемый не осознавал свои собственные сомнения, а также происходившие с ним физиологические изменения, и поэтому работы Юнга доказали существование деятельности, не подчиняющейся сознанию. (Эти эксперименты послужили основой при создании детектора лжи и подтвердили, по крайней мере, некоторые аспекты фрейдистских теорий.)

Человек менее амбициозный, чем Юнг, продолжал бы свои опыты бесконечно, потому что они требовали бесконечных уточнений. Но Юнг являл собой скорее интеллектуальный, а не эмпирический тип ученого, несмотря на утонченность проводимых им экспериментальных работ, и не собирался торчать в лаборатории всю оставшуюся жизнь.

Следующим его достижением была теория архетипов и коллективного бессознательного. Клиника Бергольци была полна психотиков, — Фрейд в работе с такими пациентами не имел большого опыта, полагая, что эта патология выходит за пределы психоанализа. Юнг благоразумно считал, что причиной хронического психоза было, вероятно, какое-то еще не известное поражение мозга, возможно вызванное внешним или внутренним воздействием яда, поскольку малоправдоподобно, чтобы в результате лишь небольшой психологической травмы человек более полувека не мог говорить осмысленные вещи. Тем не менее мания этих больных Юнг полагал достойными изучения, так как они могли бы дать кое-какие представления о том, как работает мозг.

Один из его пациентов, который вошел в историю как солярно-фаллический человек, помимо прочих странных вещей, думал, что из солнца поднимается фаллос и что заставляя этот солнечный придаток двигаться, он контролирует погоду, в частности ветер. Впоследствии, изучая древние мифы, Юнг узнал, что существовало древнеиранское митраистское верование точно такого же рода, какое было обнаружено у этого пациента. Но пациент вовсе не был хорошо образованным и начитанным человеком, и Юнг считал, что тот вряд ли мог получить сведения о мифологическом божестве Митре из внешних источников. Поэтому Юнг заключил, что формы мифов были почти, как мы бы сейчас выразились, материально встроены в человеческую психику, и он назвал такие формы архетипами. Коллективное бессознательное изобиловало такими архетипами.

Юнг был неестественно непонятным писателем и мыслителем: он никогда не вносил ясность в запутанные ситуации. Сейчас невозможно сказать, было ли это обусловлено отсутствием таланта или же шло от бессознательного понимания того, что ясность может вызвать несогласие с его утверждениями или даже их отрицание, однако точная природа архетипов, их онтологический статус и поныне остаются неясными. Во всяком случае, солнечно-фаллическая мания, о которой Юнг упоминал всю свою долгую жизнь, была краеугольным камнем его теории. Надо заметить, что это просто неадекватное основание далеко идущей теории относительно ментальной жизни всего человечества. Но теоретизирование у Юнга всегда было похоже на перевернутую пирамиду: гора спекуляций покоятся на булавочной головке фактов.

Теория архетипов сталкивается с очевидными проблемами. Она возникла у Юнга на основании точного или, по крайней мере, очень близкого соответствия между манией сумасшедшего и исходным митраистским мифом. Но насколько близким может быть такое соответствие до того, как оно стало проявлением архетипов, которые были в большей степени платонистскими формами, чем действительным содержанием мышления? Это может сказать, конечно, только аналитик, и нет иного общепризнанного критерия, кроме как свидетельство аналитика.

Конечно, теория Юнга предполагает связь с кантианской философией и даже с теорией языка Хомского. Разум не есть *tabula rasa*, он обладает врожденными или внутренне присущими способностями или склонностями, – это следует из нашей биологической природы, которая объясняет, почему можем говорить мы, а не золотые рыбки. Но, как это часто случается с Юнгом, его расплывчатые формулировки носят скорее характер провоцирующих намеков, а не доказательств.

Юнгу никогда не удавалось решить проблему различия между нормальным и психотическим выражением архетипа. Предположив, что все мы – и те, кто находится в здравом уме, и сумасшедшие – используем архетипы, он игнорировал и помог разрушить различение нормального и ненормального. Но даже если все мы действительно имеем в своем разуме архетипы и используем их, не все из нас в конце концов оказываются в клинике Бергольци, думая, что можем вызывать ветер, управляя движением фаллоса, возникшего из солнца, и веря в это настолько сильно, чтобы это влияло на нашу повседневную жизнь.

Тем не менее интерес Юнга к мифу дал ему нечто такое, что я полагаю вполне истинным, хотя и нелегко доказуемым, – то, что все мы имеем и реализуем способность к мифотворчеству, и эта способность необ-

ходима нам для существования в этом мире и придает смысл нашей жизни (Фрейд, в противоположность этому, полагал, что принятие буквальной истины делает нас свободными). Наша память о нашей собственной жизни полна нашей собственной мифологии, как позитивной, так и негативной. Немногие из нас готовы рассказать неприукрашенную историю о своем прошлом, потому что именно такое приукрашивание делает наше прошлое значимым для нас. Даже для психотиков мифологизирование своего прошлого оказывается полезным, поскольку иногда без него они не могут достичь согласия с миром. Я вспоминаю, например, шизофреника, который был убежден, что находится в центре мирового заговора, цель которого состояла в том, чтобы убить его. Многие годы он жил в маленькой комнате дощатого дома, из которой редко отваживался выходить, а около кровати стояла фотография двух его детей, снятых еще тогда, когда с ним случился первый нервный срыв, и с тех пор он их больше не видел. Этот человек говорил мне, что он рад, что больше не встречался с детьми, хотя и сожалеет, что не наблюдал, как они растут, но ведь если бы он виделся с ними, то из-за него их жизнь была бы в опасности. Убийцы, которые охотятся за ним, наверняка захотят убить и его детей. Человек не только находил свою невероятно обедненную жизнь в маленькой комнате наполненной смыслом и даже захватывающей, коль скоро он находился в центре мировых событий, но и безразличие к нему собственных детей объяснял вполне удовлетворительно. Ясно, что возвращение этого человека к нормальной жизни путем освобождения его от маний, или его собственных мифов, было бы жестоким, поскольку тогда он лицом к лицу столкнулся бы с весьма гнетущей реальностью. Юнг смог бы понять это, а современные врачи – нет. Хотя, вероятно, стоит отметить, что именно склонность этого человека к психотическому мифологизированию привела его к обедненной жизни, от истинной оценки которой он должен быть в первую очередь защищен. Конечно, Юнг мог бы ответить, что само мифологизирование было бегством человека от предыдущей реальности, не имеющей для него смысла, и в такой ситуации предпочтительна любая нереальность, а следовательно, это мифологизирование было в каком-то смысле адаптивным. Но большая часть психотических мифов или маний неадаптивны, – скорее, наоборот. Крайняя избирательность в отношении фактов привела Юнга к ложным и даже диким обобщениям, или, вероятно, было бы правильнее сказать, что ложные обобщения привели его к крайней избирательности в фактах.

Юнг вошел в очень мутные воды, когда предположил, что содержание коллективного бессознательного варьирует у различных рас и наций.

Он никогда не высказывал никакого мнения по поводу происхождения коллективного бессознательного и даже не проявлял к этому никакого интереса: обязано ли оно общим генам или же это культурный артефакт. Например, человек, рожденный от немцев, но воспитанный в Боливии, – будет ли он причастен немецкому коллективному бессознательному? Наблюдаемая у Юнга беспорядочность в этом вопросе в сочетании с его все более растущим языческим мистицизмом, а также сделанные им замечания по поводу различия между психологией евреев и немцев понравились нацистам. «Каждая раса имеет свою душу, каждая душа – свою расу, свою собственную уникальную внутреннюю и внешнюю архитектоническую форму, свою характерную форму проявления и характерное выражение образа жизни». Это – Юнг? Вполне мог бы быть он, но на самом деле это Альфред Розенберг.

Сочувствовал ли Юнг нацистам? Этот вопрос многие годы волновал его исследователей, но они так и не сформулировали определенного ответа. Мисс Бэр излагает этот вопрос довольнонятно и не выступает ни защитником, ни обвинителем. С другой стороны, Юнг был президентом международной организации психотерапевтов, финансировавшейся нацистами, причем занял этот пост после того, как предыдущий президент, доктор Эрнст Кретчмер, подал в отставку, дабы не бытьничтожеством при нацистах. Такая замена производит впечатление, мягко выражаясь, оппортунизма сродни тому, когда «арийцы» использовали законные возможности приобретать недвижимость выселенных евреев или же занимали университетские кафедры вместо уволенных евреев. Более того, Юнг не высказывал публично антинацистских настроений во времена, когда нацизм был на подъеме, – напротив, его слова всегда были намеренно двусмысленными, так что в них невозможно было обнаружить каких-то определенных суждений, в них присутствовали смутные оттенки значения, но никогда не было ясного и четкого смысла. Например, в интервью берлинскому радио Юнг сказал, что, с его точки зрения, естественно, что немецкая молодежь увлечена национализмом. Интервьюер спросил Юнга, каковы, по его мнению, задачи психологии в такое время, и тот ответил, что она должна помочь реализовать «в большей степени сознание и самосознание». И продолжил: «Если мы не сможем принять этот взгляд, легко может случиться, что мы будем, не осознавая этого, смеяны событиями. Потому что движение масс имеет свойство переполнять индивида массовой психологией и делать его поведение бессознательным. Политическое или социальное движение ничего не приобретает при этом, когда вокруг него роятся загипнотизированные его последователи».

Это высказывание может быть интерпретировано как пронацистски, так и антинацистски. Можно тысячелетиями спорить и не прийти к твердому суждению, в пользу ли нацистов оно или против них. Точно так же трудно интерпретировать каким-либо определенным образом замечания Юнга, сделанные им в заключительной части интервью: «время массовых движений», говорит он, «есть время лидерства», а победивший лидер есть «инкарнация души нации и ее рупор, перст, указующий нации истинный путь». Так это в пользу Адольфа Гитлера или против него, да или нет? Можно бесконечно просеивать это высказывание, пытаясь найти его подлинный смысл, и все же так и не обнаружить его.

С другой стороны, Юнг безусловно помог некоторым евреям бежать из Германии и поддерживал их в финансовом отношении (что не представляло для него особых трудностей, поскольку он женился на той, что была второй в списке богатейших наследниц Швейцарии, – но ведь лучше хоть что-то, чем ничего). И мисс Бэр предъявляет свидетельства, что Юнг со временем стал информатором OSS. Это сильно напоминает карьеру президента Миттерана, который примкнул к Сопротивлению, когда стало ясно, что дни доброго маршала Петена сочтены.

Как, учитывая все это, решить вопрос, сочувствовал ли Юнг нацизму? Дать на него простой ответ невозможно. Юнг всегда вилял, я не думаю, что он был бы сильно огорчен, если бы победили нацисты, и, без сомнения, он нашел бы с ними общий язык, тем не менее он действительно не хотел, чтобы они победили. Все, что можно сказать по этому поводу, – это то, что он хотел быть на стороне победителей, и его виление, неспособность прямо высказаться по самым жгучим вопросам того времени были просто проявлением его неуверенности в отношении того, кто будет победителем. Другими словами, Юнг, так же как 99,99999 процентов человечества, не был нравственным титаном. Подобно большинству забияк, он был также трусом, или, как говорят в Великобритании, он не был тем человеком, с которым пойдешь в джунгли.

Но был ли Юнг антисемитом? Это еще один вопрос, который волновал исследователей его наследия. Фрейд полагал, что Юнг все-таки был им, но Фрейд был так же щепетилен в отношении тех, кто переходил ему дорогу или же хотя бы на иоту отходил от его откровений, как подвальная крыса. Знаменитая размолвка между Фрейдом и Юнгом, которую и фрейдисты, и юнгианцы изображали как дело глубочайшего принципа, а именно, как решение вопроса о том, является ли человеческое поведение на глубинном уровне сексуальным, весьма напоминает мне то время, когда под моей опекой были два члена ямайской секты, курившие слиш-

ком много наркотиков и верившие в то, что каждый из них – Хайле Селас-сие. Я спросил одного из них, что он думает о другом. «Ха! – ответил тот. – Он просто сумасшедший». Борьба между Фрейдом и Юнгом была борьбой между двумя претендентами на то, чтобы быть спасителем человечества, и каждый из них пытался навязать миру монотеизм, – хотя бы той части мира, которая имеет дело с психотерапией, причем в роли Бога представлял он сам.

Одна вещь, которая в книге мисс Бэр выявляется чрезвычайно четко, хотя я сомневаюсь, что показать это входило в намерения биографа, – потрясающая мелочность основателей психотерапии и их чрезвычайное внимание к собственной персоне. По сравнению с их бурями в стакане воды большинство академических споров можно уподобить Первой мировой войне. Здесь мы имеем просто лечебную дисциплину, которая призвана помочь людям достигать умственного равновесия, а основатели этой дисциплины были вовлечены в дворцовые интриги византийской запутанности, вульгарности и непоследовательности.

Характер Юнга, который вырисовывается в книге, не вызывает особых доверия. Без сомнения, он мог очаровывать и обладал харизмой как раз того сорта, который привлекает богатых дам, имеющих много свободного времени (в одном из своих высказываний Юнг проявляет поразительное отсутствие понимания самого себя, удивляясь, что такого он сделал, что окружен таким количеством подобных женщин). Он устроил себе «жизнь втроем», не осознавая, какие страдания причиняет своей жене, и уж никак не извиняясь перед ней за это. Он представлял себя беспомощной жертвой обстоятельств в этом отношении, оправдываясь, что ничего не может сделать, чтобы изменить ситуацию. Ссылка на воображаемую судьбу – самый низкий прием, который использует негодяй. Будучи физически сильным, он наводил страх на своих партнеров, он проявлял исключительную грубость по отношению к презираемым им людям, например, громко разговаривая во время их лекций или выступлений. Эта его черта отнюдь не привлекательна.

Каково же наследие Юнга? Он основал небольшой и в целом безвредный эзотерический психотерапевтический культ. Его доктрины никогда не привлекут большого числа людей по той причине, что его сочинения и выступления расплывчаты, противоречивы и перегружены сведениями, и в этом больше от педантизма, чем от учености. (Он напоминает мне тех исполненных энтузиазма ученых-любителей XIX в., которые, используя фонологические совпадения, пытались доказать, что майя были пропавшим коленом Израиля, или же с помощью нумерологического

анализа сонетов Шекспира – что Шекспир как автор пьес – это на самом деле Фрэнсис Бэкон. Решимость и изобретательность впечатляют, но вклад в знание весьма скучен.)

Чтение Юнга вводит нас скорее в мир коннотации, чем в мир денотации, в мир значений, о которых скорее делаются намеки, чем даются их прямые формулировки. Извлечь определенное мнение из высказываний Юнга – все равно что попытаться схватить угря намыленными руками или же поймать пар сачком для бабочек. Его эзотерическая эрудиция чудовищна: трудно опровергнуть слова человека, который не говорит того, что имеет в виду, но привлекает огромное количество ссылок на тексты XIV в. На самом деле Юнг, будучи в высшей степени суеверным, понятия не имел, что такая логическая аргументация, и был способен поверить в полную чепуху. Например, в 1941 г., рассуждая о Парацельсе, он писал следующее: «Небесное тело есть телесный эквивалент астрологических небес. И поскольку астрологические созвездия делают возможным диагноз, они также указывают и путь лечения. Эта интуитивная концепция, с моей точки зрения, является достижением огромной исторической важности, а потому нельзя завидовать неувядаемой славе Парацельса. Полное его понимание принадлежит будущему».

Можно ли доверять человеку, который призывает поверить в подобного рода вздор? Я полагаю, только в том случае, если вы считаете, что такие высказывания в порядке вещей.

И все же несмотря на всю претенциозность Юнга, у него были здравые мысли. Чтение его сочинений – пустая тратя времени, если только вы не собираетесь прожить несколько столетий; чтение его биографии также не очень-то просвещает. Вместо этого я порекомендовал бы прочитать бодрую маленькую книгу Энтони Сторра «Юнг», написанную в 1973 г. В этой книге всего сотня страниц, на которых отфильтрованы здравые мысли и ценные идеи Юнга, тогда как тысячи страниц, написанные самим Юнгом, которые содержат всякий хлам, нечитанные покрываются плесенью на библиотечных полках.